

Ольга Савельева

Популярный блогер, автор книги
«Апельсинки. Честная история одного взросления»

ПОПУТЧИЦА

**Рассказы о жизни, которые
согревают**

БОМБОРА™

Москва 2019

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
С12

Савельева, Ольга Александровна.
С12 Пупутчица : рассказы о жизни, которые согревают / Ольга Савельева. — Москва : Эксмо, 2019. — 320 с. : ил. — (Записки российских блогеров).

ISBN 978-5-04-090222-4

Часто ли вы встречаете чудеса в обыденной жизни? Видите ли добро каждый день? Автор этой книги Ольга Савельева, блогер, мама, жена и благотворитель, не просто идет навстречу добру каждый день — она его ищет, рождает, делится им и дает уроки любви всем своим читателям. Искренние и честные рассуждения о важных и жизненных вещах — нужно ли помогать незнакомым людям, как научиться думать не только о себе, как дарить любовь и оставаться собой — близки каждому человеку и отзываются в каждом сердце.

В этих коротких рассказах сосредоточено столько любви и нежности, милосердия и неравнодушия, что невольно начинаешь видеть в людях больше хорошего и верить в добро.

Каждая история основана на реальных событиях — это сама жизнь, состоящая из мелочей, быта, разговоров, взглядов и улыбок, которая собирается в неповторимую мозаику характеров и поступков. Здесь есть место и переживаниям, и боли, и бескорыстной помощи, и, конечно, любви.

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Савельева О.А., текст, 2018
© Алейникова А.С., иллюстрации, 2018
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2019

ISBN 978-5-04-090222-4

Содержание

Введение	7
Басня	9
Блэк	14
Будущие взрослые	23
Бутерброд с редиской	27
Важное письмо	34
Венеция	38
Вера	44
Воздушный шарик	51
Волга	55
Волчонок	60
Время любить	69
Гвоздь	76
Девяносто	81
День домофона	89
Just do it	94
Дядя Степа	101
Женечка	107
Заведующая	120
Злотворительность	127
Квест	133

Клаксоны	136
Кофе	140
Лижбы	147
Лук	152
Маникюр	157
Нельзя	163
Однажды 20 лет спустя	171
Оловянные солдатики	176
Отмолили Петю	180
Охота на бабушек	187
Пироги	192
Родная мама	200
Сандалики	211
Саша	224
Севочка	228
Сколько лет, сколько зим	238
Скумбрия	248
Сложный год	258
Снежность	269
Таксист	278
Цой жив	288
Черешня	294
Шахматы	298
Шляпка	304
Эмоции	309
Заключение	314

Введение

Мне кажется, Бог выбрал меня тренажером.

Он придумал испытания, которые нужно пережить, чтобы потом, когда все будет позади, я могла отдышаться и оглянуться назад на пройденную трассу сложностей, каждое препятствие на которой состоит из слез, неврозоз, тревог, псориазов, бессонниц, нервов и искусанных в кровь губ, осознать какую-то новую истину и, окрыленная этим знанием, идти по жизни.

Мне сразу хочется писать о своих открытиях. Будто я что-то поняла, и этим знанием необходимо поделиться.

Я очень часто слышу от читателей две вдохновляющие меня фразы: «Оля, Вы написали про меня» и «Я не знала, как поступить, а тут Ваш текст, и он как знак. Теперь я знаю, что делать».

После этого у меня внутри поднимается флажок с надписью: «Не зря», и хочется написать еще много нужных и полезных текстов.

В этой книге я собрала коллекцию эмоциональных, ярких и добрых рассказов. Все это случилось со мной, моей семьей или близкими людьми.

Каждый рассказ — не просто рассказ. Это маленький тренажер для души. Таблетка добра. И даже если главный герой — не очевидно положительная личность, или описанные события тревожны и неоднозначны, то все равно к кульминации долгожданное солнце взойдет на горизонте.

Многие из этих эссе прошли проверку качества. Они были опубликованы в моем блоге и получили мощный фидбэк от замотивированных ими на хорошие поступки людей.

Я поняла, что мы живем в дефиците добра и вдохновения, именно поэтому так важно иметь дома концентрированный источник положительных эмоций.

Эта книга — ваш личный добробук. Если вам грустно, тревожно и слякотно на душе, откройте ее: там, между страничек, гербарий из ваших потерянных улыбок.

Мне хотелось, чтобы вам было со мной уютно.

Я приглашаю вас в свое купе, и там за чашкой чая в красивом подстаканнике мы будем просто болтать за жизнь. Смеяться, грустить... Жить.

Проходите, пожалуйста. Не дует? Вам сколько сахара? Лимон положить?

Приятного чтения. Ваша попутчица.

Басня

Сделала сегодня макияж. Ярко покрашенные глаза.
И накладные ресницы. Утром были съемки.

А сейчас я, не смыв косметику, бегу на родительское собрание в школу к старшему. Младшая со мной.
В коляске.

Слышу, как меня окликает Таня. Таня живет через дорогу. Я замедляю шаг, жду ее.

— О, какая ты нарядная, — говорит Таня вместо приветствия, намекая на макияж. И добавляет: — Все стрекозишь?

Стрекоза в басне Крылова лето красное пропела. Оглянуться не успела. Таня намекает, что я стрекоза. И я как бы пою. Хлопаю ресницами и взлетаю. В то время как она, Таня, муравей. И пашет, света белого не видя. Таня работает мамой троих детей.

Работающие и неработающие мамы — это два лагеря. Они, пока не произойдет ротация из одной группы в другую и обратно, проповедуют разные ценности. Как автомобилисты и пешеходы. Пока ты пешеход, ты уверен, что эти понторезы на тачках прут на таран и плюют на зебру, по которой ты красиво шагаешь. А как только садишься за руль, сразу думаешь, что все

пешеходы — это зазнавшиеся черепахи, которые будто специально ползут по зебре перед твоим лобовым стеклом. Так и мамы.

РАБОТАЮЩИЕ УВЕРЕНЫ, ЧТО ОНИ ПАШУТ НА ИЗНОС
И ИХ УЧАСТЬ ТЯЖЕЛА И НЕПОДЪЕМНА.
НЕРАБОТАЮЩИЕ УВЕРЕНЫ, ЧТО СИДЕТЬ ДОМА
С ДЕТЬМИ — САМАЯ СЛОЖНАЯ РАБОТА НА СВЕТЕ,
ПОТОМУ ЧТО В НЕЙ МНОГО РУТИНЫ.
КАШУ ВАРИ, ПОПУ МОЙ. А ВСЕ ЭТИ ОФИСНЫЕ
БАРЫШНИ — ПРОСТО КОКЕТКИ
И ВЕРТИХВОСТКИ.

Я принадлежу сразу к обеим категориям. И могу судить. Поэтому считаю, что глагол «пострекозить», да еще сказанный таким снисходительным тоном, точно не про меня.

Чтобы «пострекозить» сегодня на съемках, я встала в шесть утра. Приготовила завтрак, собрала и отправила в школу сына, подняла, накормила, собрала дочку, доехала с ней по пробкам до студии, сделала мейк, прическу, отснялась с маленьким своенравным ребенком.

Это была фотосессия для проекта об особенных детках, о том, что жизнь в статусе «инвалид» продолжается. Сейчас, пока я в декрете, писать — моя основная работа. Я лидер мнений, и мне важно говорить правду. Мне есть что сказать этому миру.

Потом дочка заснула в машине, мы приехали домой, и я затащила ее прямо в кресле в квартиру, а пока она спала, приготовила обед и написала пост для блога.

И вот сейчас, пока мультиварка без моего участия доваривает суп, я уже бегу за сыном. И да, я не успела умыться, поэтому бегу с вечерним макияжем. Я выпила первую чашку кофе в шесть утра. Вторую я пью сейчас. И ничего не ела. Потому что некогда.

— Стрекозю, Тань, — отвечаю я. Как говорила Зинаида Гиппиус, если надо объяснять, то не надо объяснять.

— А у тебя как дела? — спрашиваю я вежливо.

— Да нормально. Вот бегу сдать анализ Колькин в лабораторию.

— А что, Коля заболел? — участливо спрашиваю я. Коля — средний сын Тани.

— Нет. Просто у него такой твердый кал. И кру-гляшками. Я не знаю, это нормально?

Я задумываюсь о том, что совершенно не интересуюсь продуктами жизнедеятельности, производимыми моими детьми. Я не знаю их твердости и консистенции. По меркам Тани, я плохая мать. Все трое Таниных детей — несадовские. Это такой термин, означающий, что ребенок очень любит маму и не хочет ходить в сад. Я уверена, что несадовских детей не существует. Существуют несадовские родители. Это значит, что родитель готов придумать любой психологический термин и выдумать любой повод, чтобы не обрезать пуповину. Таня уже лет пять назад жаловалась мне на свою жизнь. Мол, не могу больше в этом конвейере засранных поп существовать. Не могу варить супы и читать потешки.

Я тогда как раз вышла на работу. Предложила Тане вакансию в министерстве. Это была самая низкая вакансия, на которую можно взять человека без стажа работы на госслужбе.

— Это с девяти до шести пахать за смешные деньги? — спросила Таня с пренебрежением.

— Видишь ли, вакансия министра занята, — съязвила я.

Мне хотелось напомнить Тане, что она за время декрета подрастеряла навыки и умения и вряд ли может рассчитывать на миллион на старте. Но я не стала

тыкать ее носом в ее страхи. Просто решила больше ничего ей не предлагать. Спустя еще пару лет Таня пожаловалась, что сейчас у них сложные времена и она ищет подработку, потому что снова беременна. Я обещала себе не помогать ей больше, но... она беременна.

Я предложила ей работу в компании, которая проводит соцопросы: нужно было обрабатывать анкеты. Это муторная и неблагодарная работа. Вбивать в табличку чужие ответы. Но платят хорошо.

— Так я глаза сломаю, — ворчливо сказала мне Таня, когда я озвучила функциональные обязанности. — Да и когда мне? У меня дети! Есть какие-нибудь нормальные предложения?

Я вздохнула. Я же обещала себе. Зачем полезла?

Сейчас Таня родила третьего. Не работает. То есть наоборот, работает на износ. Мамой. Муравьит.

Таня спросила у меня про подработку. Мол, у тебя там ничего нет?

— Нет, Тань, откуда? Я ж стрекозю, — сказала я и побежала дальше.

Вот такая басня.

Блэк

— Мам, — спросил сын перед сном, — а ты любишь Новый год?

— Конечно, разве есть люди, которые не любят праздники?

— А расскажи, как ты праздновала Новый год, когда была маленькая? Как все? Елка, мандарины?

— Да, — киваю я. — Как все.

И молчу. Я очень хорошо помню свое детство. Некоторые моменты так отчетливо, что даже страшно.

Я помню, как вздрогнула, когда полезла за конфетами, трогать которые мне запретили, потому что «это не Новый год», и меня окликнула бабушка.

Помню, как вприпрыжку бежала за дедулей по коридору, который казался мне, маленькой, очень длинным, споткнулась и больно-пребольно ударилась плечом.

А вот я сижу в ванне и смотрю на окошечко в кухню под потолком. На кухне бабуля печет что-то вкусное, и я знаю, что сейчас выйду из ванной и первая попробую вкусноту, и мне так хорошо, так тепло и вкусно...

Я помню эти зарисовки так явно, будто смотрю фильм, в котором снималась только вчера.

У меня мурашки от испуга — когда я ворую конфеты, у меня «болит» несуществующий синяк на плече, или я наяву ощущаю запах выпечки и пытаюсь понять: плюшки или хворост?

Но вот я почему-то совершенно не помню елки, ни одной. Хотя их там, у дедули и бабули, должно было быть как минимум 13 (пока не переехала в Москву), из которых хотя бы десять я должна была запомнить.

Почему так? Где мой Новый год? Почему он растворился в памяти, будто ничего и не было? Я спрашиваю свою двоюродную сестру: там, в детстве, мы, одноклассники, все праздники встречали вместе:

— Ты помнишь?

— Да, конечно, — кивает сестра. — Помню.

— Елка была, мандарины, салаты? Все было?

— Было, конечно!

Как же так... Почему я не помню... Как только я вспоминаю зиму, память сразу бросает меня к одной-единственной картинке. Всегда. Вспоминать ее почему-то очень холодно.

Мне лет девять, может, десять. Зима. Вечер. 31 декабря. Уже темно, горят сливочные фонари, идет пушистый снег. Люди спешат домой встречать Новый год. Я смотрю в окно. Мы живем на пятом этаже, и из окна у нас видна крыша магазина «Тысяча мелочей». Там, на крыше, на брошенном ящике для инструментов сжался Блэк.

Блэк — это черный дворовый котенок, любимец всех детей во дворе. Мы все его подкармливаем уже